

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

растерявшееся правительство не раз меняет свой курс, боясь потерять кредит у дворянства и «прогневить» купца.

Поднимает голову количественно растущая либеральная интеллигенция, строящая свои чаяния на восстании обманутых манифестом 19 февраля крестьян.

Две войны, севастопольская и балканская, демонстрирующие крах николаевской правительственной системы, служат как бы двумя исходными точками этого периода.

Под натпором новых экономических отношений дворянство растерялось и сдало одну за другой свои позиции растущей буржуазии.

Александринский театр вступал в новую полосу. В семье императорских театров он делается пасынком; «двор», высшие верхушки служилого дворянства, придворная бюрократия и крупное чиновничество отворачиваются от русской драмы; ее «тенденциозность», «эпигонность», «запах пота, овчины, сивухи и смазных сапог» пугают дворянского зрителя; его привлекают итальянская опера, французская комедия, феерический балет. Для указанного рода зрелищ строится, вернее перестраивается из сгоревшего театра-парика, новый императорский театр — Мариинский, открытый 2 октября 1860 г. патристической «Жизнью за царя». Александринский же театр, бывшую цитадель придворного театрального искусства, уходящий класс сдает новому «владельцу», и если формально театр продолжает еще быть «императорским», то по сути он делается «городским» петербургским, подобно любому городскому (киевскому, харьковскому и т. п.) театру.

С уходом старого зрителя уходили в историю времена патристических трагедий и мелодрам, сходили не только со сцены театра, но и со сцены жизни старые представители этого направления: умерли В. А. Каратыгин, Я. Г. Брянский (1853), ушла со сцены В. В. Самойлова. С новым зрителем пришли новые авторы: Островский, Потехин, Писемский, Алексей Толстой, Сухово-Кобылин, Мей, Аверкиев, Чаев, Дыбенко.

Бытовая струя в репертуаре и специфический реализм окончательно затмили старые театральные типы в честь православия, самодержавия и народности, отодвинули в историю эффе-ктивные новы мелодраматических героев.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Даже «злбодневный» водевил и тот должен был посторониться; по признанию современника он не пользовался в это время прежней славой. Новый драматург вывел на сцену нового театрального героя — купца и сделал его модной фигурой Александринского театра. Пьесы Островского, Красовского и др. утверждали новые классовые сентенции, новую мораль: «Я мальчишкой из деревни привезен, на все четыре стороны без копейки пуцен; а вот нажил себе капитал и других устроил. Хороший человек нигде не пропадет, а дурного не жалко...» (Островский «В чужом пиру похмелье»).

Близкая жизнь, «представляемая на театре», манит к себе «нового зрителя». Купец идет в театр и один и с семьей. Если есть место в ложе, берут с собой приказчиков. Купеческая молодежь, подражая дворянской, начинает заводить знакомства в закусочном мире, делается участником театральной жизни. Например, когда хоронят трагика Каратыгина, купеческая компания над свежей могилой устраивает поминки, но по-своему, по-купчески, отбивает горлышки бутылок с шампанским и выливает вино в могилу.

Наряду с купцом, выведенным на сцену, видное место в репертуаре занимает занимать **чиновник**, но уже не в окарикатуренной позе водевильного героя, как в предшествующую эпоху, а в качестве подсудимого; в нем зритель осуждал николаевскую правительственную систему, вскрытую севастопольской войной.

Первое произведение, поставленное в Александринском театре на обличительную тему о чиновниках, так и называлось «Чиновник» (автор В. А. Соллогуб).

Новая комедия карала старое зло — взятку. Ее герой патетически восклицал: «Нам надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора искоренить зло с корнями. Теперь каждый честный человек уже отесняет собой взяточника».

Обличительная тема о чиновнике сделалась модной. Десятки пьес были написаны на эту тему, начиная с «Доходного места» А. Н. Островского и кончая «Светом не без добрых людей» Львова.

В. Н. АСЕНКОВА

В РОЛИ ЮНКАРА ПЛЫВА
В ВОДЕВИЛЕ «ГУСАРСКАЯ СТОЯНКА»

Если «корчилс» дворянин от грубостей купеческих пьес, то окончательно стих, с'сжимая на дешевых местах Александринского театра чиновник, на которого со сцены полились язвительные нападки, жесточайшая критика и гражданское негодование. Около чиновничьего вопроса в стенах Александринского театра завязалась репертуарная полемика. «Чиновник» Соллогуба напал на русского чиновника; «Свет не без добрых людей» Львова — защищал его.

Героем львовской пьесы является мелкий, бедный, но честный чиновник Волков. Про себя он говорит так: «Отец мой оставил по себе добрую память, а мне честное имя. Я бедный чиновник — не больше, а знаете ли вы (обращается к публике), какая ужасная, потрясающая всю душу драма заключается в этих двух ничтожных словах. Бездомный скиталец, труженик вечный, бедный чиновник, не смеет рассчитывать даже на чье-нибудь сострадание. Кровопийца, грабитель — вот те понятия, которые так часто ро-

ПИСЬМО В. Н. АСЕНКОВОЙ К И. И. СОСНИЦКОМУ

